DOI: 10.17976/jpps/2015.03.06

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ: СЦЕНАРИИ ЭВОЛЮЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Б.И. Макаренко, И.М. Локшин

МАКАРЕНКО Борис Игоревич, председатель правления Центра политических технологий, профессор НИУ ВШЭ. Для связи с автором: bmakarenko@yandex.ru**; ЛОКШИН Илья Михайлович, младший научный сотрудник НИУ ВШЭ.** Для связи с автором: ilya.lokshin.ne@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 15.01.2015. Принята к публикации: 20.03.2015

Аннотация. Вниманию читателя предлагается статья, посвященная сравнительному анализу партийных систем в период после Второй мировой войны и в последние десятилетия XX в. В фокусе исследования – страны, переживавшие в это время коренную трансформацию политического строя, прошедшие период демократизации или имеющие иной тип политического режима, при котором в стране действуют одна или несколько политических партий. Сопоставление производится на основе выведенных критериев оценки эффективности партийных систем и различных методов количественного анализа. Выделяются три различных сценария развития партийных систем: через временное ограничение политического плюрализма; "линейное" развитие многопартийности; сохранение низкой конкурентности в партийной системе на продолжительный период. В рамках этих сценариев анализируются функции политических партий, закономерности и различные тенденции их эволюции. Для анализа становления и развития переходных партийных систем применена система показателей электоральной статистики.

Ключевые слова: партии; партийные системы; политическое развитие; демократизация; переходные общества; посткоммунистическое пространство.

Роль и функции современных политических партий все чаще становятся предметом как научных, так и политических дискуссий: критики указывают на такие тенденции, как падение массовости партий и явки на выборы, снижение веса крупных центристских партий, десятилетиями составлявших "ядра" правительственных коалиций, и заметный рост популярности радикальных новых партийных образований как на правом, так и на левом фланге политики, зачастую добивающихся успеха на "антипартийности", т.е. на жесткой критике традиционных политических партий.

Признавая реальность и важность всех упомянутых тенденций, в своем исследовании, на материалах которого построена настоящая статья, мы анализировали, в какой степени партии остаются центральным институтом политических систем. Мы рассматривали режимы с разной степенью политического плюрализма, в разных исторических и географических контекстах. Особый интерес представляли государства, в которых становление партий и партийных систем последовало за коренным переустройством политического строя – после поражения в войне, падения диктатуры, освобождения от колониального гнета, падения коммунистического режима. В таких переходных ситуациях начавшееся партийное строительство не могло следовать путем медленной эволюции, как в "старых демократиях". Во-первых, активное избирательное право сразу вводилось как универсальное, свободное от цензовых ограничений. Во-вторых, эра массовых партий уже подходила к концу, преобладающими стали партии иного, электоралистского, типа с компактной организационной структурой, нацеленной на максимизацию электорального

результата. В-третьих, партийные структуры (как левого, так и правого толка), в прошлые эпохи достигавшие массовости благодаря патронажу, т.е. оказанию социальной поддержки малообеспеченным слоям, уступили эту функцию государству. В-четвертых, активное развитие телевидения, а потом и Интернета позволяло молодым партийным структурам легко устанавливать контакт с избирателем, завоевывать доверие и авторитет. Как показал наш анализ, многие из появившихся за этот период новых партийных систем вполне состоялись в рамках конкурентной политики и успешной демократизации, другие – отстают по своей эффективности, но все же являются вполне дееспособными. Во многих обществах, в которых отсутствует полноценная конкуренция, партийные системы также возникают, хотя исполняют иной набор функций в отношениях между правителями, элитами и обществом.

1. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

Для изучения качественных характеристик партийных систем применимы количественные показатели, в первую очередь – электоральная статистика. Доли голосов, полученных партиями на выборах, а также соотношение сил между партиями правящей коалиции и оппозицией, оцениваемые в динамике, позволяют объективно интерпретировать политические процессы и деятельность партий. Наше исследование применяло показатели электоральной статистики в качестве переменных, оценивающих качество политического представительства и агрегации партиями общественных интересов, а в случаях с ограниченным плюрализмом – описывающих тип доминирования в политическом поле одной партии.

Первая из таких переменных – так наз. *формула Лейпхарта*: выведенная этим политологом взаимосвязь между числом значимых электоральных расколов в обществе (от традиционных социально-экономических и иных до современных постмодернистских) и эффективным числом парламентских партий (ЭЧПП – по наиболее часто применяемой формуле Лааксо-Таагеперы[1]). Согласно гипотезе Лейпхарта, "эффективное число парламентских партий примерно равно числу электоральных расколов плюс один" [Lijphart 1999: 80-89], т.е. чем больше измерений имеет поле политических конфликтов, тем большее число партий требуется для адекватного представительства интересов общества. Соблюдение этой формулы на длительных временных отрезках свидетельствует об адекватности представительства многообразных интересов партийной системой, а отклонения от нее – о нарушении такой адекватности. Слишком высокий показатель ЭЧПП указывает на нестабильную партийную систему, слишком низкий – на преобладание в партийном поле одной, реже – двух политических сил.

Эта формула, точнее – гипотеза была проверена нами при помощи регрессионного анализа на различных подвыборках стабильных демократий и переходных режимов для разных временных периодов[2]. Для подвыборки 14 зрелых демократий подтвердилась высокая степень точности этой гипотезы на всем периоде наблюдений, в том числе за последние 15 лет (т.е. после публикации упомянутой книги

[1] Индекс ЭЧПП Лааксо-Таагеперы рассчитывается по формуле: $N_{LT} = \frac{1}{\sum_{i=1}^{n} p_i^2}$, где N_{lt} – показатель эффективного числа партий, p_i^2 – доля парламентских мандатов партии i, возведенная в квадрат; n – общее число партий, представленных в парламенте.

[2] Зависимой переменной было эффективное число парламентских партий (*enp_parl*), единственным предиктором – число электоральных расколов (*cleavages*), а также оценивалась константа (*intercept*). Если предположение Лейпхарта верно, то должно быть также верно, что коэффициент при *enp_parl* равен 1, *intercept* = 1.

А. Лейпхарта): коэффициент корреляции за эти годы хотя и ниже, чем в исследовании Лейпхарта, но остается статистически значимым: 0,64 (у Лейпхарта – 0,84).

Однако на подвыборке посткоммунистических государств "формула Лейпхарта" не работает, хотя в восьми из этих стран соотношение формально соблюдено. Таким образом, подтверждено, что партийные системы переходного характера либо отличаются избыточной дробностью, не диктуемой объективными обстоятельствами, либо, напротив, подчинены доминированию одной партии, а потому не выражают плюрализма общественных интересов через политические партии (см. табл. 1).

Таблица 1

Общественно-политические размежевания и эффективное число парламентских партий
Public-political Cleavages and Effective Number of Parties in Parliament

Страна	Число размежеваний	Среднее арифметическое значение ЭЧПП (Лааксо-Таагеперы)	Диапазон колебаний ЭЧПП за период наблюдений
"Старые демократии"			
Австрия	1,5	2,84	2,09-4,59
Бельгия	3,5	5,16	2,45-8,42
Великобритания	1,5	2,16	1,99-2,57
Германия	3	3	2,24-4,83
Греция	1,5	2,55	1,82-4,83
Индия	3	3,26	1,57-5,84
Испания	2,5	2,63	2,33-2,93
Италия	3	3,5	1,98-7,13
Нидерланды	3	4,91	3,49-6,74
Португалия	2,5	2,9	2,23-4,12
США	1	1,94	1,77-2,02
Франция	2,5	3,68	1,81-6,23
Швейцария	3	5,21	4,7-6,98
Япония	2,5	2,84	1,87-4,75
"Новые демократии"			
Мексика		1,97	1,07-3,93
Аргентина		3,46	2,17-6
Бразилия		7,68	2,83-10,43
Намибия		1,85	1,66-2,41
ЮАР		1,91	1,47-2,43
Посткоммунистические государства			
Азербайджан	1,25	3,53	2,69-4,38
Албания	1,25	2,3	1,31-3,8
Армения	1,75	4,29	2,51-8,92
Болгария	1,5	3,03	2,41-4,8
Босния и Герцеговина	3	6,35	3,41-7,95
Венгрия	1,75	2,66	1,98-3,76

Продолжение таблицы 1

Страна	Число размежеваний	Среднее арифметическое значение ЭЧПП (Лааксо-Таагеперы)	Диапазон колебаний ЭЧПП за период наблюдений
Грузия	1,75	2,61	1,55-3,941*
Казахстан	2	4,63	1-8,93
Латвия	2,75	5,37	3,93-7,59
Литва	1	4,71	3,04-6,27
Македония	2	3,01	1,57-4,06
Молдавия	4	2,74	1,85-3,43
Монголия	1	1,81	1,11-3,02
Польша	2	4,48	2,82-10,86
Румыния	1,75	3,24	2,09-4,42
Сербия	2,75	3,79	2,26-4,87
Словакия	1,75	4,56	2,85-6,12
Словения	1	5,54	4,42-7,8
Таджикистан	2,5	1,71	1,27-2,41
Украина	4,5	6,3	3,3-13,22
Хорватия	1,75	3,07	2,48-4,1
Черногория	1	2,94	2,47-3,18
Чешская Республика	1,5	3,83	3,1-4,51
Эстония	1,75	4,51	2,44-5,89

*Не учтены первые выборы, в результате которых, из-за большого числа независимых депутатов в парламенте, ЭЧПП превысило 19.

Разумеется, данное соотношение нельзя считать абсолютно точным показателем эффективности политического представительства. Во-первых, число размежеваний в каждом обществе выводится экспертно и может со временем изменяться (особенно в странах, находящихся в переходном состоянии[3]). Во-вторых, в отдельных электоральных циклах даже в устойчивых демократиях можно наблюдать отклонения от "формулы Лейпхарта", а в неустойчивых – совпадения с ней. Описанные выше результаты регрессионного анализа на разных подвыборках позволяют утверждать, что "формула Лейпхарта" уверенно выявляет общую тенденцию в развитии партийных систем.

Вторая проведенная нами эмпирическая оценка партийных систем – кластерный анализ, определяющий типы партийных систем и степень их устойчивости. Для кластерного анализа были взяты два разных показателя ЭЧПП: к уже упоминавшейся формуле Лааксо-Таагеперы была добавлена формула Х. Молинара[4], которая позволяет выявить наличие в партийной системе доминирующей партии. В стабильных партийных системах разность между двумя показателями ЭЧПП колеблется умеренно даже при подвижках в раскладе политических сил, а в нестабильных – непредсказуемо меняется. Третья пе-

[3] Число размежеваний для посткоммунистических стран было выведено экспертно в ходе исследования.

[4] Индекс ЭЧПП Х. Молинара рассчитывается по формуле: $N_M = 1 + N_{LT} \times \frac{\sum_i^n p_i^2 - p_1^2}{\sum_i^n p_i^2}$ все обозначения – те же, что в индексе Лааксо-Таагеперы; p_i^2 – возведенная в квадрат доля первой (т.е. крупнейшей) партии.

ременная, задействованная в кластерном анализе – индекс Педерсена (ИП), измеряющий волатильность партийных предпочтений избирателей (по шкале от 0 до 100). В своей совокупности эти показатели позволяют составить типологию партийных систем в переходных странах и отследить динамику их развития.

В итоге анализа выделено шесть кластеров (не считая дополнительного – "Вне типологии"); а внутри каждого кластера – по три семейства партийных систем, различающихся значениями индекса Педерсена: стабильная (значение ИП находится в границах от 0 до 15); умеренно стабильная (от 15 до 30); нестабильная (от 30 до 100). Эти кластеры можно описать содержательно, поставив им в соответствие типы партийных систем, выделенные Дж. Сартори [Sartori 1976].

Кластер № 1, комбинирующий низкие показателя ЭЧПП и по Лааксо-Таагепере, и по Молинару, включает в себя партийные системы с партией-гегемоном или доминирующей партией. Примеры: Туркменистан, Мексика, Сингапур.

Кластер № 2 состоит из стран с партийной системой с показателями ЭЧПП, колеблющимися от 2 до 2,5. Примеры: США, Великобритания, в некоторые периоды – Германия, Испания, Австрия, Греция.

Кластер № 3 объединяет партийные системы умеренного плюрализма. Примеры нестабильных систем в этом кластере – значительная часть посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, стабильных – Германии, Австрии, Нидерландов, Италии в разные периоды их истории.

Кластер № 4 включает в себя партийные системы, стоящие на границе фрагментированности, и собственно фрагментированные. Нестабильные системы в этом кластере – прибалтийские республики, стабильные – Швейцария, Бельгия, Бразилия.

Кластер № 5 описывает партийные системы, в которых существует партия-гегемон и множество мелких партий, причем число членов доминантной партии в парламенте больше численности "ближайшего преследователя" не менее, чем в 3-4 раза. Примеры – Азербайджан и Армения, а также Хорватия, Индия, Япония в некоторые периоды их истории.

Кластер № 6 описывает системы с доминантной партией, но лучше организованной, чем в кластере № 5, оппозицией: крупнейшая партия превосходит вторую по числу депутатов в парламенте в 2-3 раза. В этом кластере – многие постсоветские страны, а также Испания и Тайвань в разные периоды их истории.

Как показано ниже, в становлении партийных систем можно выделить три сценария, различия между которыми обусловлены как объективными обстоятельствами, так и субъективными причинами. Первый сценарий – временное ограничение политического плюрализма, второй – "линейное" развитие многопартийности, третий – сохранение низкой конкурентности в партийной системе на продолжительный период.

2. К МНОГОПАРТИЙНОСТИ ЧЕРЕЗ ВРЕМЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ПЛЮРАЛИЗМА

Разные исторические обстоятельства вынуждали политические элиты к ограничению плюрализма и электоральной конкуренции. Особенно характерен этот сценарий был для первых послевоенных десятилетий, в странах, тоталитарные режимы которых потерпели поражение во Второй мировой войне либо обрели независимость после падения колониального режима. В таких случаях в партийной системе наблюдалось долговременное доминирование одной политической силы. В нескольких странах континентальной Европы в тот же период существовал режим *сообщественной демократии* – раздела

власти между крупнейшими политическими силами страны. Политическая конкуренция в таких странах несла риски потери управляемости из-за острых внутриполитических конфликтов или снижения эффективности государства. Смысл такой модели – концентрация ресурсов для развития, минимизация рисков острых социально-политических конфликтов и обеспечение управляемости, маргинализация антагонистических для существующего режима сил при сохранении базовых демократических процедур.

В странах, потерпевших поражение во Второй мировой войне, эти задачи включали восстановление страны, а также недопущение возврата к власти реваншистских сил и ограничения влияния коммунистических партий. В практическом плане это означало становление широких правоцентристских коалиций.

В Германии до конца 60-х годов прошлого века у власти неизменно оставалась правоцентристская коалиция ХДС/ХСС, которая успешно решила проблему восстановления экономики, построения "государства всеобщего благоденствия" и стабилизации политической жизни. С 1970-х годов в ФРГ действует система полноценной политической конкуренции. Вплоть до 1982 г. эффективное число парламентских партий в стране колебалось в узком диапазоне – от 2,24 до 2,79 при умеренной волатильности – что было ниже числа идейно-политических размежеваний. С тех пор германская партийная система пережила две значимые трансформации: вхождение на политическую арену одной из первых "постиндустриальных" партий – "Зеленых", а также появление после объединения Германии и раскола в 2003 г. социал-демократов "постленинистской" партии "Левых". Эффективное число партий ныне превышает отметку "4", увеличивается волатильность партийной системы, однако все показатели остаются в рамках, типичных для европейских континентальных демократий.

Режим доминантной партии действовал и в "Первой республике" в Италии (1945-1992 гг.): ее система характеризовалась как "режим с нестабильными кабинетами, относительно стабильными министрами и премьерами, долговременными коалициями и стагнирующей политикой" [Colomer 2001: 133]. Доминирующей оставалась Христианско-демократическая партия, которая была вынуждена идти на все более широкие коалиции с центристскими, а позднее – и левоцентристскими силами, при непременном недопущении в правительство коммунистов – второй по силе политической партии страны. В то же время сама ХДП была достаточно широкой коалицией различных территориальных объединений – "скорее, набором фракций, чем единой партией" [Lijphart 1999: 72]. Эффективное число партий до 1980-х годов колебалось между 2,57 и 3,74, четко соответствуя "формуле Лейпхарта", лишь в последнее десятилетие "Первой республики" превысило 4.

Коррупционные скандалы и исчезновение "коммунистической опасности" с распадом СССР обрушили в 1992 г. режим "Первой республики". ХДП самораспустилась, а во "Второй республике" сформировалась партийная система с двумя "центрами" – левым и правым. Ведущую роль в обоих блоках играли умеренные силы, но входили в них и "наследники" бывших коммунистов и "постфашистов". После кратковременного подъема до отметки 7 в начале 1990-х годов эффективное число парламентских партий опустилось до 1,98-2,20 (поскольку по новой избирательной системе мандаты распределялись не между партиями, а между блоками), что ниже объективного числа значимых размежеваний в обществе. Тем не менее, кризисные явления последнего десятилетия – персоналистский характер "правой" коалиции и подрыв доверия избирателей к партиям, выразившийся в появлении популистского и "антипартийного"

движения "5 звезд" (25% на выборах 2013 г.)[5], своими корнями уходят именно в природу режима "Первой республики", в частности – в чрезмерное влияние лидеров партий на формирование и деятельность исполнительной власти.

В Японии режим доминирования Либерально-демократической партии сохраняется до сего дня, хотя дважды она на непродолжительное время оказывалась в оппозиции. ЛДП часто рассматривают как "партии внутри партии" или "коалицию фракций" влиятельных традиционных элит [ibidem], "в которой депутаты получают персональную поддержку от определенных групп скорее, чем от партии" [Sohn 2014: 80-90]. Наряду с этой автономией, придающей политической системе специфическую форму плюрализма, причина сохраняющегося доминирования – слабость и частые расколы в других партиях. С 1958 г. по 1993 г. (первая утрата большинства ЛДП) эффективное число партий составляло от 1,37 до 2,49, и в последующие периоды не превышало 3,94.

В развивающихся странах длительное доминирование одного политического объединения достаточно распространено. Мы ограничимся лишь теми казусами, когда и при доминировании сохранялись политическая конкуренция и свободные выборы. Наиболее показательными являются "партии-конгрессы" в Индии и Южно-Африканской Республике.

Индийский национальный конгресс (ИНК) с 1947 г. до 1977 г. неизменно находился у власти; в целом Индия управлялась правительствами ИНК на протяжении полувека. Сохранив еще с колониального периода черты широкой коалиции в элитах и обществе, ИНК строил свою программную идентичность на образе "отцов независимости" и успехах в строительстве независимой Индии. Все эти годы показатель ЭЧПП в Индии колебался между 1,57 и 3,16. Главная причина столь низкого показателя – абсолютное доминирование ИНК в партийном пространстве, но сильным способствующим фактором являлась мажоритарная однотуровая система выборов.

Ослабление ИНК в последующие десятилетия (вплоть до его поражения на выборах 2014 г.) было следствием как сдвигов в социальной структуре индийского общества (становление рыночной экономики и среднего класса, что размыло его многосоставную электоральную базу), так и подъема с 1980-х годов движений, основанных на индуистских религиозных настроениях [Hazan 2014: 32]. Показатель ЭЧПП в период максимальной раздробленности и при ослабленном ИНК поднялся выше 5.

В ЮАР после демонтажа системы апартеида в 1990-1994 гг. Африканский национальный конгресс (АНК) – не только "партия-конгресс", но и национально-освободительное движение с вооруженным "крылом", на всех выборах с 1994 г. получал от 62% до почти 70% голосов. Показатель ЭЧП в ЮАР за эти годы составлял от 1,97 до 2,21 (по индексу Молинара – 1.1 – 1.2), т.е. имело место почти абсолютное доминирование. Широту коалиции определяет уникальная конструкция партии: "тройственный союз" собственно Конгресса с Компартией и Конгрессом тред-юнионов. Характерно, что если в большинстве партий мира членская база сокращается, то членство в АНК только за последнее десятилетие утроилось – с 416 тыс. до более чем миллиона человек [ibid.: 11].

Абсолютное доминирование партии порождает конфликты и коррупцию во внутрипартийной конкуренции за выдвижение кандидатов, избыточную фракционность и т.п. Отметим, что даже при столь сильном доминировании в ЮАР сохраняется политический плюрализм: вторая по силе партия,

[5] Здесь и далее электоральная статистика приводится по данным Архива Адама Карра. См. *Adam Carr's Election Archive*. URL: psephos.adam-carr.net/ (accessed 15.04.2015).

"Демократический Альянс", с каждыми выборами увеличивает свое представительство в парламенте (от 9% в 1999 г. до 22% в 2014 г.), а в Западно-Капской провинции является правящей. Реальной остается и внутрипартийная конкуренция в АНК, наглядным примером которой можно считать провал в 2007 г. попытки уходящего президента ЮАР Табо Мбеки сохранить влияние путем победы на выборах президента АНК. Политический режим ЮАР еще не прошел развилку между установлением полноценного многопартийного режима и превращением доминирующей партии в авторитарный институт.

Особенности доминантной Институционально-революционной партии в Мексике поучительны для компаративистики во многих отношениях. Главные из них: во-первых, откровенно корпоративистский и клиентелистский характер партийной организации; во-вторых, уникально высокая роль партии в национальной политике: предписанная законом ротация как президента, так и депутатов парламента после одного срока полномочий превращала партию в механизм кадрового отбора и преемственности власти; в-третьих, успешный – хотя и реализованный спустя несколько десятилетий доминирования – сценарий демократизации страны с президентской формой правления.

Еще одна модель временного ограничения плюрализма – описанная А. Лейпхартом модель сообщественной демократии [Liphart 1977: 4-5]. Смысл этой теории в том, что в обществах, неоднородных по этноконфессиональному составу, шансы на сохранение демократического устройства возрастают, если политические лидеры сегментов общества идут на раздел власти, т.е. ограничивают конкуренцию и сотрудничают в управлении страной. В таком случае сохраняется полноценная конкуренция партий на выборах, однако формирование правительств и отправление политики происходит по некоторым правилам, сдерживающим конкуренцию и не допускающим доминирования одной политической силы.

Подробно рассмотрев модель сообщественной демократии на примере четырех стран (Австрии, Швейцарии, Бельгии и Нидерландов), А. Лейпхарт вывел ее основные признаки [ibid.: 25-44]. Это *большая коалиция* – формирование исполнительной власти представителями всех значимых политических партий страны; *автономия сегментов* – создание для каждого значимого сегмента общества возможностей для самоорганизации и адекватного политического представительства, *пропорциональное представительство* сегментов во власти; *право меньшинства на вето* – консенсус политических элит о пределах возможных изменений либо гарантиях сохранения определенных принципов и ценностей.

Выполнив свою роль модератора политических конфликтов в многосоставных обществах, сообщественные механизмы (кроме Швейцарии, где они сохраняются и поныне) уступили место "регулярной" межпартийной конкуренции и сменяемости партий у власти. Показатель ЭЧПП в Швейцарии и Нидерландах все время оставался на высоком уровне (около пяти партий), а в Австрии и Бельгии система стала фрагментированной (рост с трех до пяти партий) именно после отказа от сообщественности. Показатели волатильности при режиме сообщественности находились в низких или умеренных пределах. Традиции компромисса и политической организации сегментов, а также формирования коалиционных правительств позволяют этим странам существовать в условиях высокофрагментированного плюрализма без ущерба для политической стабильности.

Сценарий развития конкурентных партийных систем через частичное ограничение политического плюрализма реализовывался по-разному в раз-

ных исторических и культурно-политических контекстах, но имел общие черты. Либо внутри доминирующей партии наблюдалась автономия различных фракций и течений, либо действовали независимые друг от друга партии, достигающие согласия по ключевым параметрам политического курса. Однако в любом случае сохранялась установка политических элит на сотрудничество во имя стабильности страны и управления конфликтами, недопущение антагонистических противоречий, а ограничение плюрализма рассматривалось не как самоцель, а как необходимый и временный инструмент. В развивающихся странах в сравнении с развитыми доминантная партия на ранних этапах независимого развития может сыграть еще более значимую роль как в формировании и осуществлении политики развития, так и в институциональном строительстве – не только партийной системы, но и государства и нации.

Достоинство этой модели – в способности обеспечить концентрацию ресурсов и снизить риски политических и социальных кризисов. Ее недостаток – ограниченная гибкость: далеко не во всех случаях доминантный политический субъект способен соразмерить силу своего доминирования с запросами общества, меняющимися по мере успешного развития страны; у него также появляется искушение закрепить преимущества своего доминантного положения, когда объективные реалии уже требуют расширения плюрализма.

Проявления этих достоинств выявлены во всех рассмотренных случаях, недостатки – во многих (Италия, Индия, Япония, ЮАР). Выводом из анализа этого сценария может стать парадокс: оптимальный критерий успеха режима с доминантной партией – постепенное ослабление этого доминирования и поражение доминантной партии на выборах (если эти процессы не приводят к политическим кризисам), т.е. становление полноценной и эффективной многопартийности.

3. ЛИНЕЙНОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

В отличие от первых послевоенных десятилетий, в период, получивший название “третьей волны демократизации” (70-е – 90-е годы прошлого века), становление конкурентных партийных систем обуславливалось принципиально более широким набором причин – от внушительного экономического роста в 1960-е годы до обострения проблемы легитимности авторитарных режимов и новой социальной доктрины католической церкви. На более позднем этапе к данным факторам добавился распад Советского Союза и всего европейского “социалистического лагеря” [Хантингтон 2003: 51-57]. В этих условиях “актор-ориентированные”, т.е. субъективные факторы (в первую очередь – целеполагание элит), стали играть более важную роль в определении траектории политического развития страны [Мельвиль и др. 2012: 8-30]. Это, в частности, сделало возможным “прямой” переход к политическому плюрализму без применения описанных выше сдерживающих механизмов.

В 1974-1975 г. три авторитарных режима – в Испании, Португалии и Греции – прекратили свое существование. При всех различиях в сценариях у этих событий имелись общие черты, во многом определившие становление новых партийных систем.

1. Усталость элиты от неэффективных диктаторских режимов, неспособных решить проблемы развития страны. Именно в государствах Южной Европы возникла ставшая классической схема начала демократизации через компромиссы умеренных сил в старой и реформаторской элитах, т.е. выявление зоны национального консенсуса.

2. Ни в одной из этих стран авторитарный режим не опирался на сильную доминантную партию [Linz, Stepan 1996: 139]. Партийные системы создавались практически заново, с участием вышедших из подполья левых и других антидиктаторских сил.

3. Все три страны выбрали парламентский или премьер-президентский режим, что создавало условия для активного развития политических партий и заключения между ними гибких коалиций [ibidem; Shugart, Carey 1992: 18-27].

4. Несмотря на почти консенсусный характер реформ, во всех странах существовали риски возвращения авторитаризма: попытки переворотов в Испании и Португалии, опасность установлении монополии одной партии в Греции. Все это повышало подозрительность субъектов политики по отношению к оппонентам.

5. Во всех странах законодательство, регулирующее деятельность политических партий и выборы, обеспечило достаточно жесткую регламентацию этих процессов, нехарактерную для "старых" европейских демократий.

6. Наличие сильных ленинистских партий, отношение к легализации которых было двойственным – с одной стороны, как к последовательной антидиктаторской силе, без легализации которой демократизация не была бы полной, с другой – как к опасным радикалам, к тому же "зависимым от Москвы". Коммунистические партии были легализованы и вошли в парламенты своих стран, но к настоящему времени либо утратили позиции в политике (Испания), либо превратились в периферийную силу (Португалия и Греция).

Все три страны Южной Европы – примеры становления полноценных партийных систем, эффективных как с точки зрения представления интересов сегментов общества (они в целом соответствуют "формуле Лейпхарта"), так и стабильно работающих парламентов и правительств. До последнего времени в каждой из них у власти друг друга сменяли право- и левоцентристкая партия, правившие единолично либо в коалициях. Проблемы переходного периода – преодоление наследия авторитаризма ("Пакт Монклоа" в Испании, принятие конституций и формирование баланса ветвей власти), сменямость власти, учет интересов региональных автономий (в Испании) и т.п. были успешно решены.

Предпосылки этого успеха имеют преимущественно актор-ориентированный характер: установка на сотрудничество элит ради достижения поставленных целей, мощный стимул к интеграции в Европейское Сообщество, поддержка демократизационных процессов общественным мнением. Именно эти факторы снизили риски переходного периода.

В зависимости от соотношения долей крупных и малых партий показатель ЭЧПП колебался между 2 и 4, показатели волатильности – между слабыми и умеренными, и, соответственно, в кластерном анализе эти страны оказываются либо среди двухпартийных, либо умеренно фрагментированных партийных систем. Лишь после кризиса 2008-2009 гг., сильно ударившего по социально-экономической стабильности, в партийных системах Греции и Испании обозначился кризис. В Греции повысилась популярность "новых левых" (в первую очередь – коалиции СИРИЗА) и радикальных "новых правых" ("Золотая заря"), в Испании социалисты столкнутся с жесткой конкуренцией со стороны новой левой коалиции ПОДЕМОС. СИРИЗА сформировала правительство по итогам выборов 2015 г., фактически заместив традиционных социал-демократов в роли крупнейшей левой партии страны; причем показатель ЭЧПП в 2015 г. даже снизился по сравнению с "ничейными" выборами 2012 г. – с 3,76 до 3,09.

Становление партийных систем в Латинской Америке с 1980-х годов происходило в принципиально иных условиях. Главное отличие в том, что переход совершался от иерархизированных военных диктатур и в условиях сохранения

президентских режимов: в таких условиях прежняя правящая элита сохраняла больший набор возможностей сопротивления политическому плюрализму. Следствие этого – затяжной характер переходных процессов; даже с их завершением парламенты, а соответственно, и политические партии остаются слабыми, стимулы к строительству коалиций ниже, тогда как риск популистских или авторитарных шагов со стороны президентской власти – выше. Второе отличие – более низкий в сравнении с рассмотренными европейскими случаями уровень социально-экономического развития и выраженные социальные диспропорции.

Переходные процессы в большинстве латиноамериканских стран привели к демократизации, однако сложившиеся партийные системы страдают от множества проблем, порожденных как объективными условиями, так и субъективной (актор-ориентированной) стороной национальной политики. Так, и в Аргентине, и в Бразилии на место режимов бюрократического авторитаризма, при которых политическая конкуренция считалась "невозможной игрой" [O'Donnell 1973: 166-200], пришли президентские республики с сильно фрагментированными партийными системами. В Аргентине ее основу составляют два "центра", исторические преемники партий прошлой эпохи: "Фронт за победу" на базе Хустисиалистской партии и социально-либеральный Гражданский радикальный союз – более слабый по представительству в Конгрессе, но дважды приводивший к власти своих президентов. Внутри них существуют множественные фракции, а размежевания между партиями не совпадают с конфигурацией поддержки политической доктрины "киршнеризма" и воплощавших ее двух последних президентов – Нестора Киршнера и ныне возглавляющей республику его вдовы Кристины. Усиливает фрагментированность аргентинской политики и наличие множества региональных партий, как правило, подконтрольных каудильо – влиятельным политическим семьям своего региона. Показатель ЭЧПП в 2001-2012 гг. (в пределе – 6,0 в 2009-2010 гг.) выводит Аргентину за рамки даже кластера сильно фрагментированных партийных систем. При этом по индексу Молинара это число всегда колебалось от 1,28 до 2,03, что указывает на преобладание в парламенте пропрезидентских сил. Высокая фрагментированность партийной системы и сильный персоналистский элемент в правящей коалиции указывают, что стабилизации и укрупнения в обозримой перспективе не произойдет.

Также вне кластеров в типологии оказывается и Бразилия, в которой показатель ЭЧПП колебался между 7 и 10 – он выше, чем во всех остальных странах нашей выборки, за исключением тех, в парламентах которых присутствует большое число независимых депутатов. Вместе с тем, показатели волатильности власти в Бразилии уже с 1998 г. находятся в умеренной зоне. Причины такой ситуации – либеральное законодательство о партиях [Linz, Stepan 1996: 183], интенсивное партийное строительство с массовой базой (в партиях состоят 15,3 млн бразильцев, т.е. более 10% электората)[6]. Но важнейшая из причин – широкие конституционные полномочия парламента, в котором президенту необходимо выстроить многопартийную коалицию поддержки, что позволяет наблюдателям считать президентский режим в Бразилии близким к парламентскому [Figueiredo, Limongi 2001: 232]. На президентских выборах за основными кандидатами стоит коалиция, включающая одну из крупнейших партий и несколько мелких. На выборах 2010 и 2014 гг. состав коалиции победителя в целом соответствует парламентской коалиции, поддерживающей президента.

[6] Brasil tem 15,3 milhões de filiados a partidos politicos. 2014. – *Tribunal Superior Eleitoral*. URL: http://www.tse.jus.br/noticias-tse/2014/Abril/brasil-tem-15-3-milhoes-de-filiados-a-partidos-politicos (accessed 13.04.2015).

Восточноазиатские демократизации привели к складыванию менее фрагментированных систем. Хотя многие предпосылки были схожими с латиноамериканскими, важно отметить и отличие. Демократизацию совершали авторитарные режимы, добившиеся качественного сдвига в уровне развития своих стран, и их политические системы приводились в соответствие с новыми реалиями. В Южной Корее и на Тайване имели место неоднократные смены власти, режимы оставались президентскими, парламентские партии боролись за места в парламенте, а на президентских выборах образовывались коалиции вокруг двух партий, к которым принадлежали кандидаты-лидеры. В известной степени эта логика воспроизводит американскую модель: сильной и крупной партия может стать, только если способна конкурировать за президентский пост.

4. ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

Среди почти 30 новых политических систем, образовавшихся с распадом "советского лагеря", можно выделить две основные группы по критерию развития партий на относительно продвинувшиеся в развитии политического плюрализма и те, в которых плюрализм остается ограниченным или отсутствует.

Как явствует из табл. 2, уровень плюрализма и качество межпартийной конкуренции на посткоммунистическом пространстве описываются набором объективных критериев. Наиболее четкий критерий уровня конкуренции – наличие прецедентов смены верховной власти в стране через выборы. Во всех странах с высокой конкурентностью в политике сложились парламентские или премьер-президентские режимы, тогда как при сильном и всенародно избираемом президенте межпартийная конкуренция ограничена или отсутствует. В странах с высокой конкуренцией сильнее институциональные полномочия парламентов в отношениях с исполнительной властью (замеренные индексом полномочий парламента Фиша – Кренига) [Fish 2006: 11]. Там, где конкуренция в политическом поле высока, применяется пропорциональная избирательная система, а мажоритарная система ни в одной стране этого региона не породила высококонкурентной политики.

Между ареалами "успешных" и "неуспешных" итогов партийного строительства пролегает граница, почти точно совпадающая с границами СССР 1939 г. (т.е. по продолжительности существования коммунистического режима)[7]. Внутри этих подгрупп можно найти значительные различия, а за четверть века во многих странах происходили существенные перемены как в государственном строе, так и в конкретных параметрах партийной системы и избирательного законодательства; есть прецеденты успешного, но прерванного развития плюралистической партийной системы, так и обратные случаи, когда условия для ее развития возникли лишь по истечении некоторого времени.

С этими оговорками можно выделить значительную группу посткоммунистических государств, в которых развитие плюрализма носило непрерывный поступательный, т.е линейный характер. Предпосылки для развития плюрализма в западной части посткоммунистического пространства схожи со странами юга Европы полутора десятилетиями ранее [Хантингтон 2003; Linz, Stepan 1996]: это стремление приблизиться к "европейской модели" развития, разделяемое и прогрессивной частью старой элиты, следование описанной выше модели транзита (прагматические договоренности между

[7] Исключения: Монголия, совпадающая скорее со странами "западного ареала", а также Молдавия и Украина, демонстрирующие черты сходства как с западными, так и с восточными соседями.

умеренными и изоляция радикалов), более высокая роль актор-ориентированных факторов, в т.ч. – стремление войти в состав общеевропейских политических и экономических институтов (ЕС и НАТО). Поэтому элиты стран Центральной и Юго-Восточной Европы намеренно заимствовали институциональное устройство и политические практики партий у своих западных соседей. Воздействие демонстрационного эффекта "старых демократий" было бо́льшим, чем в описанных выше случаях, в силу ограниченности собственного опыта демократической политики, низкого уровня развития гражданского общества [Демократия в российском зеркале: 456-457].

Таблица 2

Характеристики политических систем посткоммунистических государств

Characteristics of Political Systems in Post-communist States

Государство	**Передачи власти через выборы**	**Политический строй**	**Избирательная система**	**Индекс полномочий парламента (*PPI*)**
Албания	+	Парламентский	Смешанная	0,75
Болгария	+	Премьер-президентский	Пропорциональная	0,78
Босния и Герцеговина	-	Конфедеративный	Пропорциональная	-
Венгрия	+	Парламентский	Пропорциональная	0,69
Латвия	+	Парламентский	Пропорциональная	0,84
Литва	+	Премьер-президентский	Смешанная	0,72
Македония	+	Премьер-президентский	Смешанная	0,78
Молдавия	+	Парламентский*	Пропорциональная	0,72
Монголия	+	Премьер-президентский	Мажоритарная	0,81
Польша	+	Премьер-президентский	Пропорциональная	0,66
Румыния	+	Премьер-президентский	Пропорциональная	0,72
Сербия	+	Премьер-президентский	Пропорциональная	-
Словения	+	Премьер-президентский	Пропорциональная	0,78
Словакия	+	Премьер-президентский	Пропорциональная	0,72
Хорватия	+	Премьер-президентский	Пропорциональная	0,72
Черногория	-	Премьер-президентский	Пропорциональная	-
Чешская Республика	+	Парламентский	Пропорциональная	0,78
Эстония	+	Парламентский	Единый передаваемый голос	0,75
Азербайджан	-	Президентский	Смешанная	0,44

Продолжение таблицы 2

Государство	Передачи власти через выборы	Политический строй	Избирательная система	Индекс полномочий парламента (*PPI*)
Армения	+ /-	Президентско-парламентский*	Смешанная	0,53
Белоруссия	+	Президентский	Мажоритарная	0,28
Грузия	+	Президентско-парламентский*	Смешанная	0,59
Казахстан	-	Президентский*	Пропорциональная*	0,31
Киргизстан	-	Президентско-парламентский*	Мажоритарная (смешанная)	0,41
Таджикистан	-	Президентский	Смешанная	0,41
Туркменистан	-	Президентский	Мажоритарная	-
Узбекистан	-	Президентский	Непрямые выборы	0,28
Украина	+	Премьер-президентский	Пропорциональная*	0,50

Источник: [Макаренко 2008; Fish 2006].

*Параметры, подвергавшиеся изменениям в течение последней четверти века.

Во всех странах этой категории сложились плюралистичные политические системы, реальная многопартийность, успешно прошла демократизация. Однако по качественным характеристикам развития партий и партийных систем они отстают от своих западных европейских соседей, а по некоторым параметрам – и от стран Латинской Америки.

В посткоммунистических странах не соблюдается формула соответствия ЭЧПП числу общественно-политических размежеваний, поскольку в посткоммунистических странах "общества были нивелированы в смысле классовой структуры, церковь и роль религии были маргинализированы, противоречия между городом и деревней во многом устранены, а этнические – подавлены... Это делало невозможной политическую конкуренцию, базирующуюся на размежеваниях... мобилизация избирателей на основе идеологий, интересов и размежеваний не представлялась возможной, легитимность партий – проблематичной" [Tavits 2013: 8]. В подобных обществах скорее партийная система определяет конфигурацию структуры размежеваний, а не наоборот [Zielinski 2002: 184].

Из всех посткоммунистических стран лишь в восьми средний показатель ЭЧПП за прошедшие четверть века вписывается в "формулу Лейпхарта". Существенно выше ожидаемого по "формуле Лейпхарта" ЭЧПП остается в странах Прибалтики, в Чешской Республике, Словакии, Словении, Польше, хотя многие из этих стран и по объективным показателям социально-экономического развития, и по степени успеха трансформационных процессов в целом лидируют среди стран посткоммунистического лагеря.

В подавляющем большинстве стран на протяжении всего рассматриваемого периода сохранялась высокая волатильность (индекс Педерсена), что свидетельствует о нестабильности партийных систем. Лишь в Чешской Республике и Словакии волатильность сохранялась в умеренной зоне, а в Эстонии, Польше и Молдавии к настоящему времени снизилась до умеренных значений, при этом ЭЧПП имело тенденцию к понижению; можно предположить, что эти партийные системы становятся более стабильными.

Неполная консолидированность партийных систем является следствием нескольких специфических черт политического развития этих стран.

Специфическим для этого региона общественно-политическим расколом на начальном этапе посткоммунистического развития стало размежевание по отношению к прежнему режиму. Оно объединяет отношение различных политических сил к глубине и темпам реформ, выбору социально-экономической модели и союзников во внешней политике, шире – выбору системы ценностей. По совокупности этих факторов можно констатировать наличие во многих посткоммунистических странах отдельного – *идеологического – общественно-политического размежевания*, влиявшего на формирование партийных систем. Ностальгия по авторитаризму возникала и в других регионах, но там она выражалась скорее в подъеме популизма [Хантингтон 2003: 273-278; Linz, Stepan 1996: 221-230; Przeworski 1991: 58]; в посткоммунистических странах бывшие правящие партии представляли собой массовые и жестко структурированные организации, фактически неотличимые от госаппарата, а потому обладали организационными возможностями для сохранения в новых условиях. В части стран (Венгрия, Литва, Польша, Болгария, Албания, Словакия, Хорватия) прежняя компартия стремилась встроиться в национальный консенсус и быстро трансформировалась в социал-демократическую, скорее "программисткую", чем "всеохватную" – по известной классификации [Gunther, Diamond 2003], электоральную – современную партию с компактной оргструктурой, ограниченным массовым членством, нацеленную на достижение электорального успеха (через всеохватность, либо через сохранение программистской позиции, либо при помощи харизматического лидера). В Румынии и "новой" Югославии прежние правящие партии не уступили власть на первых свободных выборах, но с развитием политической конкуренции эволюционировали в том же направлении. Другая модель – сохранение "ленинистского" характера партии, в чистом виде эта модель имела место в Чешской Республике, где руководство прежней компартии было подвергнуто люстрации. Из других стран лишь в отдельных случаях (Словакия, Украина) такая партия проходила в парламент. Сохранение или восстановление электоральной популярности партии "старой элиты" воспринимались "новой" элитой как угроза национальному консенсусу и риск реставрации прежнего режима, а потому такая партия (тем более сохранившая "ленинистский" характер) сталкивалась с неприятием в истеблишменте, враждебным отношением в СМИ, против нее объединялись все остальные значимые политические партии страны. Эти страхи были заведомо преувеличены: скорее, остракизм "старой элиты" использовался как метод борьбы за власть и пропагандистский прием. Однако в любом случае он способствовал мобилизации электоральной поддержки как сторонников, так и противников подобных партий [Tavits 2013: 155].

К настоящему времени этот раскол в большинстве стран преодолен, во всяком случае, в отношении социал-демократических партий. Коммунистическая партия Богемии и Моравии регулярно проходит в парламент (лучший результат – 18% на выборах 2002 г.). Особый случай – длительное (до 2014 г.) сохранение Партии коммунистов Молдовы как крупнейшей политической партии страны, но обе эти партии не рассматриваются как коалиционные партнеры остальными партиями.

В нескольких случаях в посткоммунистических странах имела место попытка установления доминирования одной политической силы – либо сохранившей власть преемницы компартии (Румыния, Югославия, Молдавия), либо, напротив, ведущей антикоммунистической силы (Албания, Словакия, Хорватия). Ни одна из этих попыток не оказалась успешной. Во-первых, при парламентской или премьер-президентской политической системе и пропорциональной – избира-

тельной, концентрация власти затруднена, а полномочия главы исполнительной власти – ограничены. Во-вторых, при стратегии интеграции в Европу и "свежей памяти" о коммунистических режимах все субъекты политики считали недопустимым авторитаризм или монополизацию власти [Way 2008: 62-64]. В-третьих, даже если у власти оказывался лидер и (или) партия с авторитарными амбициями, они не имели ресурсов для установления такого доминирования: прежние репрессивные аппараты были разрушены и деполитизированы, новые партии не обладали жесткой иерархической структурой; наконец, прошедшая в этих странах приватизация ослабила роль государства в экономике [ibid.: 64-66].

Ближе всего к установлению режима доминирования подошли Югославия и Хорватия, где в условиях острого межэтнического конфликта на волне национализма на выборах победили авторитарные силы: в Сербии – Социалистическая партия, представлявшая собой альянс "старой" номенклатуры с националистами, в Хорватии – ультранационалистическое Хорватское демократическое содружество (ХДС). Доминирование этих партий усиливалось персоналистским характером режимов президентов С. Милошевича и Ф. Туджмана. Однако обозначенные выше факторы – стремление к интеграции в Европу и падающая легитимность власти – не позволили закрепить доминирование, и на рубеже веков в обеих странах националистические силы потерпели поражение.

В Венгрии в 2010 и 2014 гг. правоцентристская партия "Гражданский союз" (ФИДЕС) добивалась квалифицированного большинства в парламенте (68% и 67% мест, соответственно). Страна в эти годы помещается в нашей типологии в первом кластере, т.е. фактически сложилась система доминантной партии, при которой были приняты поправки к конституции, вызвавшие резкую критику за свою антидемократичность.

В Молдове Партия коммунистов в начале XXI в. получила конституционное большинство и сохраняла его две легислатуры; лишь в 2009 г. три остальные партии (получившие вместе 51% мандатов) образовали коалицию с целью недопущения коммунистов к власти. В стране разразился политический кризис, потребовавший проведения в общей сложности трех общенациональных выборов за 19 месяцев; с каждым голосованием коммунисты получали все меньше голосов, а перед выборами 2014 г. в этой партии произошел раскол.

Конкретного вывода о невозможности установления режима доминирования одной политической силы в данном регионе сделать нельзя: появление подобия такой системы в одной из самых стабильных стран региона – Венгрии – спустя два десятилетия после начала современного этапа политического развития является наглядным примером волатильности партийных систем. Однако и институциональные условия, и практика действий политических элит свидетельствуют, что в подобных партийных системах доминантная партия скорее является редким исключением и не может сохраняться в долгосрочной перспективе.

В большинстве посткоммунистических стран можно найти свойственные всей Европе "идейные семьи" партий. Их становление опиралось как на собственную политическую традицию страны, так и на заимствование из общеевропейского опыта. Судя по представительству этих стран в общеевропейских партиях[8], в большинстве из них существуют партии правоцентристского и левоцентристского толка, а в некоторых – еще и либералы. Из

[8] См. *European People's Party*. URL: http://www.eP.eu/; *Party of European Socialists (PES)*. URL: http://www.pes.eu/; ALDE Party members. – *Alliance of Liberals and Democrats for Europe*. URL: http://www.aldeparty.eu/en/members/political-parties; EGP members. – *European Green Party*. URL: http://europeangreens.eu/learn-about-egp; AECR members. – *Alliance of European Conservatives and Reformists*. URL: http://www.aecr.eu/members/ (accessed: 13.04.2015)

многочисленных "зеленых" партий лишь четыре входят в парламенты. В ряде стран в качестве значимой политической силы действуют либо "ленинистские" партии, либо "новые левые", отрицающие традиционную партийную политику. "Новые правые" стали заметной силой только в Венгрии (партия "Йоббик"), однако некоторые правоцентристские партии проявляют черты, свойственные скорее повестке дня "новых правых", чем мейнстриму консервативной политики. Кроме того, существуют партии, представляющие права этнических меньшинств: венгерские – в Румынии, Словакии и Сербии, турецкая – в Болгарии, польская – в Литве, албанская – в Македонии.

Общая тенденция в развитии спектра политических сил на начальном этапе – центростремительная. Курс на интеграцию в Европу объективно способствовал усилению центристских тенденций как в правой, так и в левой части политического спектра [Milada 2008: 403].

Идейно-политическая ориентация партий в этих странах имеет электоралистский характер, причем скорее всеохватных, чем программистских. Это объясняется как общемировой тенденцией, так и непроявленностью общественно-политических размежеваний. Левоцентристы, как правило, более четко отстраивали свою идейную ориентацию, тогда как у "правых" после прихода к власти начинались размежевания по линиям "консерватизм – либерализм". Лишь в Венгрии и Чешской Республике крупнейшие правые партии сохранили скорее программный, нежели электоралистский характер. Так, венгерский ФИДЕС изначально позиционировался как либеральная партия, но впоследствии сдвинулся в сторону консерватизма [Tavits 2013: 179].

С конца 1990-х годов вся политическая система, в том числе легитимность политических партий в посткоммунистических странах, подвергается нажиму со стороны общественных настроений чаще правого, чем левого толка, с элементами евроскептицизма [Rupnik 2007: 19-20; Way 2008: 62-64; Krastev 2007: 58]. Главной причиной этого феномена следует считать неудовлетворенность общества возможностями участвовать в политике [Krastev 2007: 58-59].

Кризис партийных систем породил запрос на новые партии и лица, "прямую демократию". Первое проявление кризиса – подъем персоналистских партий. Если на ранних этапах персонализация политики была связана либо с всенародно избранными президентами, либо с крайне правыми националистическими фигурами (Партия "Великая Румыния" В. Тудора или "Партия справедливости и жизни" И. Чурки в Венгрии), то на более позднем этапе "персонализацию" стали применять умеренные политики как политтехнологический прием. Избирателю предлагался "прямой контракт" не с обезличенной структурой, а с популярным лидером [Tavits 2013: 45-46], личность которого становилась решающим аргументом на выборах. Примеры таких "персоналистских партий" – Национальное движение Симеона Второго (бывшего царя) в Болгарии, Прогрессивная партия Сербии А. Вучича, Партия М. Церара в Словении, Партия гражданских прав бывшего чешского премьера М. Земана.

Второй феномен – появление *"антипартийного популизма":* целый ряд партий идут на выборы с критикой партийности как института, далекого от интересов простого человека. Примеры таких партий – венгерская "Политика может быть другой", близкая к "новым левым", чешские "Акция разочарованных граждан – 2011" и "Рассвет прямой демократии", хорватская "Коалиция Кукареку", названная по имени ресторана, где проходили переговоры о ее создании.

"Персонализация" и "антипартийный популизм" не означают заката партий. Как отмечает И. Крастев, новые популистские движения разрушают

"склеротические партийные лояльности" и стимулируют проявление "подавленных размежеваний и требований", а потому являются не "проявлением кризиса демократии, но переформатированием демократических режимов после окончания переходного периода", повышением участия общества в политической жизни [Krastev 2007: 59-60]. Однако консолидация и стабилизация партийных систем в этих странах по-прежнему находятся в низкой точке; "переопределение" партийных систем, описанное политологами в середине прошлого десятилетия, так и не завершено.

5. Политические режимы с устойчиво ограниченной ролью партий

В восточной части посткоммунистического пространства (республики бывшего СССР, кроме Прибалтики, Молдавии и Украины) политическая конкуренция на выборах получила лишь ограниченное развитие. Это не означает отсутствия ни острых политических конфликтов, ни агрегации и артикуляции общественных интересов, однако такие процессы лишь отчасти институционализируются через выборы и деятельность партий. Все эти десять государств избрали чисто президентскую или президентско-парламентскую форму правления [Демократия в российском зеркале: 456-457]; лишь Кыргызстан и Грузия перешли к премьер-президентской республике. Мажоритарная составляющая избирательных систем этих стран породила феномен независимых одномандатников, оказывающий существенное воздействие на партийные системы. Во всех этих странах (за исключением Грузии в 2012-2013 гг.) не было прецедентов смены высшей власти через выборы. Такое сочетание факторов образует конфигурацию, неблагоприятную для развития плюралистической партийной системы. Сильное и практически несменяемое президентство при слабом парламенте лишает партии главного смысла политической деятельности – обретения власти; на передний план у них выходит удовлетворение партикуляристских интересов [Shugart, Carey 1992: 8-54].

Оговоримся: многие из ныне успешных партийных систем начинали развиваться при сильной исполнительной власти и мажоритарной избирательной системе, однако такая эволюция происходила в другие исторические эпохи и занимала длительное время; также немаловажен контраст в темпах развития партий между всеми предыдущими сценариями и данным набором стран.

Специфическое отличие институциональной роли партий в подобных режимах в том, что доминантными субъектами политики являются всенародно избранные президенты. Если президент опирается на партию, то она не похожа на описанные выше "классические" доминантные партии: таковые *формируют власть*, а при доминирующем президенте правящие партии *формируются властью*. Степень их автономии от исполнительной власти существенно ниже, элитные коалиции строятся "сверху вниз", механизмы внутрипартийной демократии слабее. Они образуют особый тип партий, к которому можно применить понятие *"партии власти"*. Такая партия изначально складывается как механизм поддержки исполнительной власти с всенародно избираемым президентом. Она представляет и продвигает ее интересы в законодательных собраниях, публичном пространстве. Демократическая процедура фактически имеет плебисцитарный характер – глава государства обращается к нации "поверх" партийных структур, и последние служат лишь вспомогательным механизмом в отношениях между властью и нацией.

Из десяти стран в двух президентская власть либо обходится без собственной партии (Белоруссия), либо эта партия имеет чисто формальный характер (Туркменистан). Еще в трех странах – Азербайджане, Таджикистане и Узбекистане – "партии власти" возникли в самом начале посткоммунистического развития и сохраняются по сей день.

В Казахстане в первое десятилетие президент Н. Назарбаев предпочитал мажоритарную систему выборов и управление депутатами, которые принадлежали к слабым партиям или были независимыми. С консолидацией президентской власти и контроля над элитами в конце 1990-х годов Казахстан перешел к смешанной системе выборов, а с 2006 г. – к чисто пропорциональной, при которой пропрезидентская партия "Нур Отан" ("Свет Родины") получила 100% мест[9]. Лишь в следующем созыве появились две небольшие фракции иных партий.

В остальных четырех государствах партии власти существовали лишь на протяжении части рассматриваемого периода. В Кыргызстане первое время доминировали пропрезидентские непартийные депутаты; лишь на выборах 2005 г. впервые большинство мест получила пропрезидентская партия "Вперед, Кыргызстан!", но за выборами в стране последовал государственный переворот. Новый президент Р. Бакиев проигнорировал по сути коалиционный состав пришедшей к власти группировки и попытался монополизировать властные полномочия. На следующих выборах созданная им партия "Ак Жол" ("Светлый путь") получила около половины мандатов и стала фактически доминирующей, однако новый переворот положил конец этому краткому периоду. После переворота политическая элита Кыргызстана сознательно выбрала политическую систему с разделенной властью – фактически премьер-президентскую республику. В избранном в 2010 г. парламенте примерно равное представительство получили 5 партий.

В Грузии доминантная партия возникала лишь дважды на относительно короткое время: "Союз граждан Грузии" получил в 1999 г. 55% мест, но подозрения в массовых нарушениях на выборах 2003 г. привели к "цветной революции"; новый президент, М. Саакашвили, создал свою партию, "Объединенное национальное движение", которое на двух последующих выборах получало соответственно 90% и 80% мест. В Грузии, в отличие от Кыргызстана, конституционная реформа, изменившая строй на премьер-президентский, преследовала цель сохранения у власти М. Саакашвили как премьер-министра и лидера доминантной партии. Однако провалы во внутренней и внешней политике привели к расколу элит. Выборы парламента в 2012 г. вылились в биполярное противостояние прежней власти и оппозиции, которые последняя ("Грузинская мечта – демократическая Грузия") выиграла. В стране открылась перспектива становления полноценной политической конкуренции. Впрочем, в конце 2014 г. коалиция оказалась на грани раскола.

В Армении в 1990-е годы парламент был раздроблен, многие депутаты-одномандатники были независимыми, политика отличалась высокой конфликтностью. С конца 1990-х годов Республиканская партия Армении, на которую опиралась президентская власть, на каждых выборах увеличивала свое представительство в парламенте, а число независимых одномандатни-

[9] Кроме нескольких мандатов, получаемых по квоте национальными меньшинствами.

ков – сокращалось. К настоящему времени Республиканская партия контролирует 53% мест в парламенте, а потому более не нуждается в коалиции с меньшими партиями, как в прошлых созывах.

Основные характеристики и функции постсоветских доминантных партий определяются их главной чертой – малой автономностью, зависимостью от всенародно избранных президентов и бюрократической вертикали.

В важнейшей из функций – агрегации интересов – в таких партиях преобладает *артикуляция*, т.е. формулирование и продвижение интересов "сверху вниз" – от политического лидера и элиты в общество. Мнение граждан учитывается лишь в той мере, в какой это востребовано для оптимизации электорального месседжа. Такая ситуация естественна для стран с малым опытом самоорганизации общественных интересов. Однако, как и всякая неконкурентная ситуация, она чревата рисками отставания политических программ партий власти от меняющегося общественного запроса и подрывом легитимности электоральных процедур. Такое позиционирование делает все эти партии, в терминах нашей типологии, электоралистскими, с сильным персоналистским элементом. Поскольку все данные страны обрели государственность только с распадом СССР, их развитие подается обществу как возрождение нации, а президенты становятся "отцами независимости" и обретают харизматические черты. В программах доминантных партий акцентируется национальное сплочение и развитие, что сближает их с доминантными партиями постколониальных стран.

Вторая отличительная черта – фактическая сращенность подобных партий с государством. В отличие от КПСС, новые партии власти не обладают жесткой иерархической структурой и не являются центрами принятия политических и кадровых решений; напротив, они выполняют конкретные функции, необходимые президенту и бюрократической вертикали. Сращенность с властью лишает их важнейшей институциональной характеристики – *автономности и самоуправляемости*, что обессмысливает политическую конкуренцию, так как фаворит всех выборов не является самостоятельным субъектом политики. Из этой характеристики вытекает и ограниченность внутрипартийной демократии. Тем не менее такие партии выполняют важные функции в организации элиты: партия власти выступает как общенациональный институт, стоящий над региональными, клановыми, секторальными и иными интересами [Коргунюк 2009: 64-71; Воскресенский 2007: 54-66], канализирует процессы урегулирования конфликтов внутрь элитной коалиции, способствуя утверждению приоритета общенациональных интересов над региональными, служит механизмом управления конфликтами.

Во всех других странах нашей выборки кластерный анализ не зафиксировал существенного влияния мажоритарной составляющей в избирательной системе на ЭЧПП и волатильность партийной системы, поскольку все или большинство из избранных по мажоритарной системе депутатов выступают под знаменем политической партии; иными словами, принадлежность кандидата к партии оказывается значимым электоральным ресурсом. В восточной части посткоммунистического пространства ЭЧПП намного превосходит объективно существующее число размежеваний в обществе, и.наличие большого числа независимых депутатов – не единственная, но главная причина этого несовпадения.

Многочисленные независимые депутаты – одновременно причина и симптом слабости политических партий: без "партийности" приверженность

кандидата определенной политической позиции не является непременным и сильным электоральным ресурсом, и, следовательно, авторитетность партий как института в обществе ограничена. Фактически избиратели оказывают доверие личности, а не партийной программе [Tavits 2013: 114]. Это оставляет широкий простор для оппортунистического поведения депутатов. У них преобладает установка на сотрудничество с властью, чтобы в обмен на лояльность добиться удовлетворения своих запросов. При принятии политических решений исполнительная власть ведет переговоры не только с политическими партиями, но и с независимыми депутатами, которые зачастую оказываются "резервом" для образования большинства, необходимого для принятия угодного власти решения.

Главные причины сохранения независимых депутатов – неразмежеванное общественно-политическое пространство, слабая способность активных граждан к коллективным действиям и объединению в ассоциации "снизу", а также глубокое недоверие к партиям, вызванное долговременной монополией коммунистических партий. В западной части посткоммунистического пространства действие многих из этих факторов достаточно быстро сошло на нет, хотя стабильность и доверие общества партиям не достигают уровней, характерных для "старой Европы", партии в этих странах не оставили места для независимых депутатов как массового феномена.

Независимые депутаты оказывают неоднозначное воздействие на развитие партий. С одной стороны, они отчасти компенсируют дефицит легитимности слабых парламентов и неавторитетных у граждан партийных систем: в парламент проходят пользующиеся доверием и уважением фигуры. Там, где малоавторитетные партии получали монополию на формирование парламента по партийным спискам (Украина, Казахстан), снижались публичность политики и легитимность власти, а потому в Украине уже произошло возвращение к смешанной системе выборов. С другой стороны, наличие большого числа независимых депутатов ограничивает развитие политических партий как автономных от исполнительной власти субъектов политики, а сами они зачастую становятся младшим партнером "партии власти", элементом конструкции доминирования исполнительной власти в парламентском и публичном пространстве.

Проведенный анализ переходных партийных систем подтверждает применимость системы показателей для оценки процессов их становления и развития. В обществах, находившихся в стадии глубокой трансформации своих политических систем – от Европы до Латинской Америки и иных стран "третьего мира" – за период в несколько десятилетий партии стали полноценными субъектами политики.

По своим содержательным характеристикам и по эффективности деятельности страны Западной Европы, выстраивавшие свои партийные системы после Второй мировой войны, на сегодняшний день вполне сопоставимы со "старыми демократиями". Партийные системы в Латинской Америке, Азии, западной части посткоммунистического пространства и нескольких бывших советских республиках не достигают аналогичного уровня эффективности и стабильности, но также превратились в полноценных субъектов политики, выполняющими тот же набор функций.

Во многих бывших советских республиках сложились режимы абсолютного доминирования одной партии, сращенной с президентской властью

и бюрократической вертикалью. Они образуют континуум от чисто авторитарных режимов до режимов с ограниченной конкуренцией. Доминантные партии выполняют более узкий набор функций по сравнению с партиями в конкурентных политических режимах – особенно в том, что касается связей между партией и обществом – однако и их роль в политической системе своих стран весьма значима.

Может показаться, что проблемы партий и партийных систем, сложившихся в последние десятилетия, особенно в Центральной и Юго-Восточной Европе и Латинской Америке, только усилили аргументы об институциональной деградации партий. Для них характерны повышенная фрагментированность партийной системы, низкое доверие партиям со стороны общества, общественный запрос на персоналистские и "антипартийные" партии. Все эти аргументы основаны на реальных тенденциях, которые действительно размывают партию как субъект "определенного стиля политического представительства давно прошедших дней" [Dalton et al. 2011: 20]. Многие из этих недостатков, по сути, являются "болезнями роста" и не перечеркивают успеха в создании дееспособных партий и партийных систем, равно как и их роли в демократизации страны. Их следует рассматривать в контексте меняющихся условий, в которых действуют партии. Речь идет как об объективных условиях – современных средствах массовой коммуникации, усложняющейся системе государственного управления, так и субъективных – описанных выше сдвигах в системе ценностей и общественном запросе к политикам. Еще один параметр – распространение реально действующих партийных систем за пределы традиционного ареала Западной Европы и Северной Америки, что существенно расширяет континуум разных типов партий в разных исторических и политических условиях.

Наш анализ позволяет сделать два теоретически значимых вывода:

• В странах, достигших определенного порога в уровне социально-экономического развития[10], появление политических партий и партийных систем является преобладающим трендом: универсальным в случае относительно успешной демократизации и частотным даже для гибридных и авторитарных режимов.

• В современный период, особенно после окончания холодной войны и распада СССР, системные трансформации в различных типах обществ чаще приводят к становлению либо протодемократического режима, либо режима с доминантной партией, чем иных типов режимов, которые не востребуют институт партий [Magaloni, Kricheli: 2010: 134].

Воскресенский А.Д. 2007. *Политические системы и модели демократии на Вост*оке. М.: Аспект Пресс. 829 с.

Демократия в российском зеркале (под ред. А. Миграняна, А. Пшеворского). 2013. М.: МГИМО-Университет. 519 с.

Коргунюк Ю.Г. 2009. Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции. – *Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства* (под ред. М.Г. Михалёвой, Е.Ю. Мелешкиной). М.: ИНИОН РАН. С. 64-71.

[10] Определение количественных параметров этого порога не входит в задачи настоящего исследования. Из многочисленных исследований на эту тему мы считаем оптимальным общий методологический подход, изложенный в известной статье [Przeworski, Limongi 1997: 155-183].

Макаренко Б.И. 2008. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации. – *Полития*. № 3 (50). С. 105-125.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2012. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 8-30.

Хантингтон С. 2003. *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.: РОССПЭН. 368 с.

Colomer J. 2001. *Political Institutions: Democracy and Social Choice*. Oxford: Oxford University Press. 272 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1093/019924183X.001.0001

Dalton R.J., Farrell D.M., McAllister I. 2011. *Political Parties & Democratic Linkage*. Oxford University Press. 258 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199599356.001.0001

Figueiredo C.A., Limongi F. 2001. *Executivo e Legislativo na nova ordem constitucional*. Rio de Janeiro: Editora FGV. 232 p.

Fish S. 2006. Stronger Legislatures, Stronger Democracies. – *Journal of Democracy*. Vol. 17. No. 1. P. 5-20. DOI: http://dx.doi.org/10.1353/jod.2006.0008

Gunther R. 2003. Species of Political Parties. – *Party Politics*. Vol. 9. No. 2. P. 167-199. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/13540688030092003

Hasan Z. 2014. Congress Party: Ideology, Organization and Finance. – *Modern Political Party Management*. March. P. 30-41.

Krastev I. 2007. The Strange Death of Liberal Consensus. – *Journal of Democracy*. Vol. 18. No. 4. P. 56-63.

Lijphart A. 1977. *Democracy in Plural Socieites: A Compararive Exploration*. New Haven, L.: Yale University Press. 248 p.

Lijphart A. 1999. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press. 351 p.

Linz J., Stepan A. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore: The Johns Hopkings University Press. 504 p.

Magaloni B., Kricheli R. 2010. Political Order and One-Party Rule. – *Annual Review of Political Science*. Vol. 13. P. 123-143. DOI: http://dx.doi.org/10.1146/annurev.polisci.031908.220529

Milada A.V. 2008. Centre-Right Parties and Political Outcomes in East Central Europe. – *Party Politics*. Vol. 14. No. 4. P. 387-405. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1354068808090252

O'Donnell G. 1973. *Modernization and Bureaucratic-Authoritarianism: Studies in South American Politics. Berkeley: University of California Press*. P. 166-200.

Przeworski A. 1991. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press. 210 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139172493

Przeworski A., Limongi F. 1997. Modernization: Theories and Facts. – *World Politics*. 1997. Vol. 49. P. 155-183. DOI: http://dx.doi.org/10.1353/wp.1997.0004

Rupnik J. 2007. From Democracy Fatigue to Populist Backlash. – *Journal of Democracy*. Vol. 18. No. 4. P. 17-25.

Sartori G. 1976. *Parties and Party Systems: Volume 1. A Framework for Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. 368 p.

Shugart M., Carey J. 1992. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press. 332 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139173988

Sohn J. 2014. Intra-Party Management of Japan's LDP. – *Modern Political Party Management*. March. P. 80-90.

Tavits M. 2013. *Post-Communist Democracies and Party Organization*. Cambridge: Cambridge University Press. 200 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139565196

Way L. 2008. The Real Causes of the Color Revolutions. – *Journal of Democracy*. Vol. 19. No. 3. P. 55-69. DOI: http://dx.doi.org/10.1353/jod.0.0010

Zielinski J. 2002. Translating Social Cleavages into Party Systems: The Significance of New Democracies. – *World Politics*. Vol. 54. No. 2. P. 184-211. DOI: http://dx.doi.org/10.1353/wp.2002.0005

DOI: 10.17976/jpps/2015.03.06

MODERN PARTY SYSTEMS: SCENARIOS OF EVOLUTION AND TRENDS OF DEVELOPMENT

B.I. Makarenko[1], I.M. Lokshin[2]

[1]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

[2]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

MAKARENKO Boris Igorevich, Chairman of the Board, Center for Political Technologies, Professor, National Research University Higher School of Economics. Email: bmakarenko@yandex.ru**; LOKSHIN Ilya Mikhaylovich, junior research fellow, National Research University Higher School of Economics.** Email: ilya.lokshin.ne@inbox.ru

Received: 15.01.2015. Accepted: 20.03.2015

Abstract. The article undertakes a comparative analysis of party systems concentrating on the evolution of parties and party systems since the World War II and particularly in the last decades of the XX century following drastic redefinition of political regimes; it also analyzes modern trends in development of parties in countries that either underwent democratization or ended up with political regimes in which one or more parties operate. The comparison is based on a set of quantitative criteria evaluating the efficiency of party system. Outlined are three scenarios; for each scenario analyzed are functions of political parties and trends of its evolution. The first scenario is tentative limitation of political pluralism; the second is "linear" development of multiparty systems; and the third is long-term period of limited competition in party space.

Keywords: political parties; party systems; political development; democratization, transitional societies; post-communist space.

References

Colomer J. *Political Institutions: Democracy and Social Choice*. Oxford: Oxford University Press. 2001. 272 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1093/019924183X.001.0001

Dalton R.J., Farrell D.M., McAllister I. *Political Parties & Democratic Linkage*. Oxford University Press. 2011. 258 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1093/acprof:osobl/9780199599356.001.0001

Demokratiya v rossiiskom zerkale (pod red. A. Migranyana, A. Pshevorskogo) [Democracy in the Russian Mirror (ed. by A. Migranyan, A. Przeworski)]. Moscow: MGIMO-University. 2013. 519 p. (in Russ.)

Figueiredo C.A., Limongi F. *Executivo e Legislativo na Nova Ordem Constitucional*. Rio de Janeiro: Editora FGV. 2001. 232 p.

Fish S. Stronger Legislatures, Stronger Democracies. – *Journal of Democracy*. 2006. Vol. 17. No. 1. P. 5-20. DOI: http://dx.doi.org/10.1353/jod.2006.0008

Gunther R. Species of Political Parties. – *Party Politics*. 2003. Vol. 9. No. 2. P. 167-199. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/13540688030092003

Hasan Z. Congress Party: Ideology, Organization and Finance. – *Modern Political Party Management*. 2014. March. P. 30-41.

Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late 20th Century. (Russ. ed.: *Huntington S. Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka*. Moscow: ROSSPEN. 2003. 368 p.)

Korgunyuk Yu.G. Sistema s dominiruyushchei partiei i rezhim politicheskoi konkurentsii [The Dominant Party System and Regime of Political Competition]. – *Politicheskaya konkurentsiya i partii v gosudarstvakh postsovetskogo prostranstva* (pod red. M.G. Mikhalevoi, E.Yu. Meleshkinoi) [Political Competition and Parties in Post-soviet States (ed. by M.G. Mikhaleva, E.Yu. Meleshkina)]. Moscow: INION RAS. 2009. P. 64-71. (In Russ.)

Krastev I. The Strange Death of Liberal Consensus. – *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18. No. 4. P. 56-63.

Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press. 1999. 351 p.

Lijphart A. *Democracy in Plural Socieites: A Comparartive Exploration*. New Haven, L.: Yale University Press. 1977. 248 p.

Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore: The Johns Hopkings University Press. 1996. 504 p.

Magaloni B., Kricheli R. Political Order and One-Party Rule. – *Annual Review of Political Science*. 2010. Vol. 13. P. 123-143. DOI: http://dx.doi.org/10.1146/annurev.polisci.031908.220529

Makarenko B.I. Post-communist States: Selected Results of Transformation. – *Politeia*. 2008. No. 3 (50). P. 105-125. (In Russ.)

Melville A.Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. Trajectories of Regime Transformations and Types of State Consistency. – *Polis. Political Studies*. 2012. No. 2. P. 8-30. (In Russ.)

Milada A.V. Centre-Right Parties and Political Outcomes in East Central Europe. – *Party Politics*. 2008. Vol. 14. No. 4. P. 387-405. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1354068808090252

O'Donnell G. *Modernization and Bureaucratic-Authoritarianism: Studies in South American Politics*. Berkeley: University of California Press. 1973. P. 166-200.

Przeworski A. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press. 1991. 210 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139172493

Przeworski A., Limongi F. Modernization: Theories and Facts. – *World Politics*. 1997. Vol. 49. P. 155-183. DOI: http://dx.doi.org/10.1353/wp.1997.0004

Rupnik J. From Democracy Fatigue to Populist Backlash. – *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18. No. 4. P. 17-25.

Sartori G. *Parties and Party Systems: Volume 1. A Framework for Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. 1976. 368 p.

Shugart M., Carey J. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1992. 332 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139173988

Sohn J. Intra-Party Management of Japan's LDP. – *Modern Political Party Management*. 2014. March. P. 80-90.

Tavits M. *Post-Communist Democracies and Party Organization*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 200 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139565196

Voskresenskii A.D. *Politicheskie sistemy i modeli demokratii na Vostoke* [Political Systems and the Models of Democracy in the Orient]. Moscow: Aspekt Press. 2007. 829 p. (In Russ.)

Way L. The Real Causes of the Color Revolutions. – *Journal of Democracy*. 2008. Vol. 19. No. 3. P. 55-69. DOI: http://dx.doi.org/10.1353/jod.0.0010

Zielinski J. Translating Social Cleavages into Party Systems: The Significance of New Democracies. – *World Politics*. 2002. Vol. 54. No. 2. P. 184-211. DOI: http://dx.doi.org/10.1353/wp.2002.0005